

Содержание

Книга I. МАНТИЯ

Глава I. РЕСПУБЛИКАНЕЦ	5
Глава II. АРИСТОКРАТ	19
Глава III. КРАСНОРЕЧИЕ ГОСПОДИНА ДЕ ВИЛЬМОРЕНА	33
Глава IV. НАСЛЕДСТВО	45
Глава V. СЕНЬОР ДЕ ГАВРИЙЯК	51
Глава VI. ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА	58
Глава VII. ВЕТЕР	69
Глава VIII. OMNES OMNIBUS	86
Глава IX. ПОСЛЕДСТВИЯ	96

Книга II. КОТУРНЫ

Глава I. ВЛАДЕНИЯ ГОСПОДИНА ДЕ ЛАТУР Д'АЗИРА	109
Глава II. СЛУЖИТЕЛИ МЕЛЬПОМЕНЫ	129
Глава III. МУЗА КОМЕДИИ	139
Глава IV. ГОСПОДИН PARVISSIMUS УХОДИТ	155
Глава V. ВХОДИТ СКАРАМУШ	166
Глава VI. КЛИМЕНА	177
Глава VII. ПОКОРЕНИЕ НАНТА	194
Глава VIII. СОН	206
Глава IX. ПРОБУЖДЕНИЕ	214
Глава X. ИСКРЕННЕЕ РАСКАЯНИЕ	238
Глава XI. СКАНДАЛ В ТЕАТРЕ ФЕЙДО	250

Книга III. ШПАГА

Глава I. СМЕНА ДЕКОРАЦИИ	271
Глава II. QUOS DEUS VULT PERDERE...	290
Глава III. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЛЕ ШАПЕЛЬЕ	307
Глава IV. АНТРАКТ	319
Глава V. В МЕДОНЕ.	326
Глава VI. ГОСПОЖА ДЕ ПЛУГАСТЕЛЬ	341
Глава VII. ПОЛИТИКИ.	354
Глава VIII. ДУЭЛЯНТЫ-УБИЙЦЫ.	366
Глава IX. ПАЛАДИН ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ.	379
Глава X. УЯЗВЛЕННАЯ ГОРДОСТЬ.	389
Глава XI. ВЕРНУВШИЙСЯ ЭКИПАЖ	404
Глава XII. УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ.	415
Глава XIII. К РАЗВЯЗКЕ	423
Глава XIV. ВЕСКИЙ ДОВОД	432
Глава XV. ОСОБНЯК ПЛУГАСТЕЛЬ	453
Глава XVI. БАРЬЕР	463
Глава XVII. ПРОПУСК	474
Глава XVIII. ВОСХОД	482
КОММЕНТАРИИ	490

Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами, ее породившими.

Ж. Мишле

Книга I

МАНТИЯ

Глава I

РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Он появился на свет с обостренным чувством смешного и врожденным ощущением того, что мир безумен. И в этом заключалось все его достоинство. Само его происхождение было весьма туманно, хотя жители деревушки Гаврийяк довольно быстро приподняли завесу таинственности. Простодушные бретонцы оказались не так простодушны, чтобы дать ввести себя в заблуждение вымышленным родством, которое не отличалось даже таким достоинством, как оригинальность.

Когда некий дворянин объявляет себя крестным отцом невесты откуда взявшегося младенца и проявляет неустанную заботу о его воспитании и образовании, то и самый неискушенный селянин прекрасно понимает, в чем тут дело. Итак, добрые обитатели Гаврийяка не питали иллюзий относительно родства Андре-Луи Моро — так назвали мальчика — и Кантена де Керкадью, сеньора де Гаврийяка, чей огромный серый дом высился на холме над деревней.

Грамоте и азам наук Андре-Луи обучался в деревенской школе. Жил он у старика Рабу́йе — стряпчего, который в качестве поверенного вел дела господина де Керкадьё. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, его отправили в Париж изучать право в коллеже Людовика Великого. Вернувшись в родные места, он занялся адвокатской практикой совместно с Рабу́йе. Все расходы оплачивал господин де Керкадьё; он же, препоручив Андре-Луи попечительству Рабу́йе, продемонстрировал явное желание обеспечить будущее молодого человека.

Андре-Луи со своей стороны как нельзя лучше использовал предоставленные ему возможности. Мы видим его в возрасте двадцати четырех лет, нашпигованным такой ученостью, каковая в голове заурядной вполне могла бы вызвать интеллектуальное несварение. Усердное изучение Человека по самым авторитетным источникам от Фукидида до энциклопедистов и от Сенеки до Руссо превратило ранние впечатления в твердую уверенность и окончательно убедило молодого человека в безумии той разновидности живых существ, к которой он принадлежит. И во всей его богатой событиями жизни мне не удалось найти ни одного случая, который поколебал бы его в этом убеждении.

Андре-Луи был молодой человек чуть выше среднего роста, легкий, как пушинка, с худым хитрым лицом, весьма приметным носом, острыми скулами, прямыми черными волосами до плеч и большим тонкогубым ртом, как у клоуна. Он не был уродлив только благодаря прекрасным глазам — насмешливо-любопытным, блестящим и почти черным. О причудливом складе ума и на редкость изы-

сканном слоге Андре-Луи достаточно красноречиво свидетельствуют его — увы — немногочисленные сочинения, и прежде всего его «Исповедь». Но пока он едва ли догадывается о своем ораторском даре, хотя он уже принес ему некоторую славу в литературном салоне Рена — то есть в одном из тех многочисленных клубов, где интеллектуальная молодежь Франции собиралась для изучения и обсуждения новых философских идей, которыми была насыщена общественная жизнь тех лет. Однако славу он там обрел отнюдь не завидную. Коллеги сочли Андре-Луи слишком саркастичным, слишком язвительным и слишком склонным поднимать на смех их возвышенные теории возрождения человечества. Он ответил, что всего лишь предложил им заглянуть в зеркало правды и не его вина, если им показалось смешным их собственное отражение.

Вы, конечно, догадываетесь, что это заявление только вывело коллег Андре-Луи из себя, и они принялись всерьез обсуждать вопрос об его исключении, каковое стало неизбежным после того, как сеньор де Гаврийяк назначил его своим делегатом в Штаты Бретани. Все единодушно решили, что официально представителю дворянина и человеку, открыто придерживающемуся реакционных принципов, не место в обществе, которое ратует за социальные реформы.

В те времена не ограничивались полумерами. Свет надежды, блеснувший было, когда господин Неккер наконец убедил короля созвать Генеральные штаты — чего не случалось без малого двести лет, — недавно померк из-за наглости дворянства и духовенства, убежденных, что Генеральные штаты дол-

жны иметь такой состав представителей, который будет охранять их привилегии.

Богатый промышленный и портовый город Нант первым выразил настроения, которые быстро охватывали всю страну. В начале марта 1788 года он издал манифест и вынудил муниципалитет представить его королю. В нем заявлялось, что Штаты Бретани, долженствующие собраться в Рене, больше не будут, как прежде, орудием дворян и духовенства, лишивших третье сословие права голоса, за исключением права, а точнее, обязанности утверждать уже установленные ассигнования. Дабы положить конец несправедливому положению вещей, при котором вся власть отдана тем, кто не платит налогов, манифест требовал, чтобы третье сословие было представлено одним депутатом от каждых десяти тысяч жителей; чтобы этот депутат обязательно принадлежал к тому классу, который он представляет, то есть не был бы дворянином, не был бы уполномоченным дворянина, его сенешалем, поверенным или управляющим; чтобы третье сословие имело равное представительство с двумя другими и чтобы по всем вопросам голосовали поголовно, а не по сословиям.

Этот манифест, где содержались и другие, менее серьезные требования, поверг Версаль, и прежде всего *Сeil-de-boeuf*, в замешательство. Он дал его элегантным острословам заглянуть в будущее, куда господин Неккер отважился приоткрыть дверь. И если бы им удалось одержать победу, то нетрудно догадаться, какой ответ последовал бы на дерзкое выступление Нанта. Но господин Неккер был кормчим, который во что бы то ни стало решил привести

в гавань давший течь государственный корабль. По его совету король направил дело на согласование в Штаты Бретани с многозначительным обещанием вмешаться, если привилегированные сословия — дворяне и духовенство — воспротивятся требованию народа. И привилегированные сословия, безрассудно устремясь к собственной гибели, разумеется, воспротивились, в результате чего его величество отложил созыв Штатов.

Но — что бы вы думали? — привилегированные сословия не согласились на отсрочку, отказались склониться пред властью суверена и, полностью игнорируя его волю, продолжали готовиться к открытию Штатов с твердым намерением провести выборы по-своему и, несмотря ни на что, гарантировать неприкосновенность своих привилегий и возможность продолжать грабить народ.

Одним ноябрьским утром, прибыв с этой новостью в Гаврийяк, господин Филипп де Вильморен, студент ренской семинарии и популярный член литературного салона, в сонной бретонской деревушке узнал о событии, которое распалило его и без того сильное негодование. Егерь маркиза де Латур д'Азира только что застрелил в Мепонском лесу за рекой местного крестьянина по имени Маби. Бедняга попался на месте преступления — вынимал из силка фазана, и егерь поступил в строгом соответствии с приказанием своего господина.

Разъяренный актом безжалостной тирании, господин де Вильморен вызвался довести дело до сведения господина де Керкадю. Маби был его вассалом, и Вильморен надеялся склонить сеньора Гаврийяка по меньшей мере потребовать денежной

компенсации вдове и трем сиротам за смерть кормильца.

Но поскольку Андре-Луи был ближайшим другом, почти названным братом Филиппа, то именно к нему прежде всего и отправился молодой семинарист. Он застал Андре-Луи в длинной, низкой, отделанной белыми панелями столовой Рабуйе — дома, где он жил с младенчества, — и, крепко обняв друга, оглушил его обвинением в адрес маркиза де Латур д'Азира.

— Я уже слышал об этом, — сказал Андре-Луи.

— Ты говоришь таким тоном, словно не находишь в этом ничего удивительного, — упрекнул его друг.

— Я не способен удивляться зверским поступкам, совершенным зверем. А то, что де Латур д'Азир — зверь, известно всем. Со стороны Маби было весьма глупо воровать у него фазанов. Уж лучше бы воровал у кого-нибудь другого.

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что еще? Надеюсь, у меня достаточно практический склад ума.

— Что еще? Вот это я намерен высказать твоему крестному, господину де Керкадью. Я обращусь к нему за правосудием.

— Против маркиза де Латур д'Азира? — поднял брови Андре-Луи.

— А почему бы и нет?

— Мой дорогой наивный Филипп, волки не пожирают волков.

— Ты несправедлив к своему крестному. Он человек гуманный.